

Белармино и Аполонио
(отрывок)

Итак, сеньор Новильо вошёл и уселся на длинный диван, обтянутый зелёной кожей, над которым помещалось зеркало, завешанное тюлем, тоже зелёным. Он расположился так, чтобы его пузо сползло вниз и осело на диване между колен. Аполонио, оставляя прилавок, за которым он медленными, благоговейными движениями чертил выкройку и нарезал кожу, направился к Новильо и точно так же разместил свой живот на диване. Из подсобки доносились приглушённые удары молотка, пела какая-то женщина да дребезжали швейные машины. Аполонио, не поворачивая головы, чтобы взглянуть на своего соседа, вдруг заговорил:

— Так тяжело мне, дон Ансельмо, ох, как тяжело. Чего не достаёт мне? — спросите вы. У меня есть мастерская, обставленная по последнему слову науки и нашего ремесла; в ней три машины: «Вильсон» вместе с «Вилером»,* чтобы тачать голенища, и «Джонсон» для обмётки петель; а ведь вполне может статься, что на всём полуострове не наберётся и полдюжины таких красавцев, как эти. Мои покупатели — сливки общества, и все исправно платят мне звонкой монетой. Чего ещё мне желать?

О, любовь моя! О, скорбь! Слёзы мои,

Что же вы не струитесь из глаз, где же вы? —

как сказал поэт**. Да, несчастная любовь... Но я не хочу даже вспоминать об этом. А кто виноват? Она? — Ни за что, ни за что, ни за что! Это моя вина. Это я влюбился в такую благородную красавицу, в беломраморную Беатрис. Я заслужил свои мучения, и я принимаю их, бесконечно ликуя.

Сеньор Новильо слушал глухие перекаты его голоса с равнодушием, с каким вырезанные из сливового дерева фигуры внимают гимнам и плегариям. Аполонио всё говорил, в свою очередь не устаивая Новильо взглядом:

— Мне удалось весьма точно изобразить в аллегорической поэме положение такой любви, безрассудной, ужасной и запретной. Запретной, о да, запретной... Но уймись, язык мой разнузданный, вредный. Так вот, поэмы герой был одним из чудовищ, коих принято называть трубой водосточной, что воду плюёт и терзает на клочья, откуда глагол клокотать; так вот, этот каменный монстр навеки застыл на церковном карнизе и, как на горе, он полюбил флюгер в виде голубки сизой, что гнездилась, как можно уже догадаться, на башне высокой, куда не подняться. Этот монстр был я и

поэтому знаю, что судьба у влюблённого злая: окаменеть, пытаясь достать до вершины башни, и тогда в отчаянии страшном остаётся лишь клокотать. Здесь, в конце, заключена особая нотка юмора, которой и завершается произведение. Комизм всегда зауряден и жалок. Иное дело юмор — это поэзия. Как имя прекрасной дамы? Нет, никогда я его не раскрою. Пусть лучше меня замучат живьём.

Новильо, взволнованный своими собственными любовными переживаниями, поднялся, так и не услышав, о чём говорил Аполонио, и подошёл к двери, чтобы украдкой взглянуть на Фелиситу. Аполонио проследовал за ним, декламируя с выставленной вперёд рукой и пламенеющим взглядом:

— Никогда я его не раскрою. Только через мой труп. И даже если после смерти со мною всё же случится такое, то вам да будет известно, что это не я, а коварный злой дух, говорящий моими устами, — после этого неожиданного красноречивого залпа Аполонио не менее неожиданно успокоился и вернулся за свой прилавок, где принялся мастерить подошву.

*Wheeler&Wilson – американская компания по производству швейных машин, основанная в 1851 году фабрикантом Натаниэлем Вилером и изобретателем Алленом Вильсоном.

**Немного изменённая цитата из «Песни Терезе» испанского поэта первой половины XIX века Хосе де Эспронседа.